

*Памяти Александра Львовича Маковского – главного создателя
Гражданского кодекса Российской Федерации*

Е.А. Суханов

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА

**правовые
решения**

СТАТУТ
МОСКВА 2026

УДК 347.191
ББК 67.404
С91

Суханов, Евгений Алексеевич.

С91 Систематизация юридических лиц / Е. А. Суханов. — Москва : Статут, 2026. — 400 с.

ISBN 978-5-8354-2139-8 (в пер.)

В настоящей работе в сравнительно-правовом аспекте освещаются понятие и сущность гражданско-правовой категории юридического лица, раскрываются особенности правового положения различных видов юридических лиц в современном отечественном законодательстве и в основных правовых порядках континентально-европейского и англо-американского типов, а также исторические тенденции законодательной и научно-теоретической систематизации юридических лиц, анализируется развитие отечественного и зарубежного законодательства о юридических лицах и основные направления его совершенствования.

Работа предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, научных сотрудников, занимающихся изучением гражданского (частного) права, и может быть полезна в правоприменительной деятельности.

УДК 347.191
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2139-8

© Суханов Е. А., 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2024 г. исполнилось 30 лет со дня принятия части первой Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) и его главы 4, посвященной юридическим лицам (которая была введена в действие ранее остальных норм этой части ГК РФ²), и 10 лет с момента фактического завершения ее реформирования, хотя отдельные изменения в ее текст продолжают вноситься до самого последнего времени. За этот период в отечественном правопорядке сложилась уникальная система юридических лиц. Она удивительным образом сочетает в себе, с одной стороны, традиционные корпорации, прежде всего хозяйственные общества (включившие, однако, в себя не известные ранее такие разновидности, как акционерные общества работников (народные предприятия), специализированные финансовые общества и специализированные общества проектного финансирования, а также так называемые хозяйственные партнерства и вновь ставшие юридическими лицами крестьянские (фермерские) хозяйства), а с другой стороны — возникшие в прежнем правопорядке и свойственные только огосударствленной экономике юридические лица — несобственники (унитарные предприятия и учреждения, финансируемые их учредителями-собственниками), к которым добавились своеобразные «унитарные корпорации» в виде государственных корпораций, единственной пока государственной компании и публично-правовых компаний, не говоря уже об обилии организационно-правовых форм некоммерческих организаций — от реестровых казачьих обществ и общин коренных малочисленных народов до не имеющих членства общественных движений и четырех различных видов адвокатских образований.

Такой обширный конгломерат разновидностей юридических лиц, не свойственный большинству других правовых систем, порождает множество вопросов и как минимум нуждается в объяснении, а как

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Часть первая Кодекса введена в действие с 1 января 1995 г., кроме гл. 17 «Право собственности и другие вещные права на землю».

² Со дня официального опубликования части первой ГК РФ — 5 декабря 1994 г.

максимум — в серьезном обосновании целесообразности своего существования.

При этом обращает на себя внимание неравномерность практического использования отдельных видов юридических лиц. Так, к началу реформы законодательства о юридических лицах 2014 г. из примерно 4 млн зарегистрированных в российском госреестре (ЕГРЮЛ) коммерческих организаций 3,7 млн (94%) составляли общества с ограниченной ответственностью и лишь 163 тыс. — акционерные общества (среди которых более $\frac{3}{4}$ составляли закрытые акционерные общества, не имевшие принципиальных отличий от обществ с ограниченной ответственностью), тогда как на долю всех остальных видов коммерческих организаций приходилось лишь около 2% их общей численности. Это соотношение принципиально не изменилось и в настоящее время: более 2,5 млн обществ с ограниченной ответственностью (численность которых значительно сократилась в связи с введением ускоренной ликвидации недействующих юридических лиц, почти исключительно состоявших из обществ с ограниченной ответственностью) противостоят несколько более чем 51 тыс. акционерных обществ, из которых почти 46 тыс. составляют непубличные и до сих пор частично сохранившиеся закрытые акционерные общества, а доля всех остальных видов коммерческих организаций составляет около 1%.

Схожую ситуацию в виде явного преобладания обществ с ограниченной ответственностью и их аналогов можно наблюдать и в большинстве других континентально-европейских стран (за исключением Швейцарии, особенности законодательства которой привели к господству в ней акционерных обществ).

В правопорядках англо-американского типа аналогично соотношение непубличных и публичных компаний (корпораций), хотя не менее значительную роль в них играют неправосубъектные партнерства (аналог континентально-европейских товариществ). Последнее свойственно и континентально-европейским правопорядкам, в которых распространены «полуправосубъектные» товарищества, являющиеся юридическими лицами торгового, но не гражданского права, тогда как в российской правовой системе численность и значение хозяйственных товариществ с момента их воссоздания в 90-е годы прошлого века остаются ничтожными¹.

¹ К началу указанной реформы их количество достигало 1300, а к ее концу сократилось до менее чем 900. К началу 2025 г. в ЕГРЮЛ значилось всего 89 полных товариществ и 151 товарищество на вере, что позволяет говорить об их постепенном фактическом отмирании. Впрочем, такие виды российских корпораций, как акцио-

Уже из этого видно, что социально-экономические потребности и особенности национального развития, решающим образом влияющие на появление и развитие как самой конструкции юридического лица, так и ее отдельных разновидностей, далеко не всегда и не во всем соответствуют юридической потребности в четкой, логически непротиворечивой систематизации и классификации юридических лиц. Более того, систему юридических лиц вообще не следует представлять в виде разработанной цивилистической наукой своеобразной «таблицы элементов системы Менделеева», в которой законодателю остается только заполнять отдельные «клеточки», принимая соответствующие законы. Как показывает общественно-хозяйственная практика, любая систематизация юридических лиц почти неизбежно сталкивается с необходимостью признания в виде исключения имущественной (гражданской) правосубъектности за такими организационными образованиями, статус которых не укладывается ни в одну из известных организационно-правовых форм. В результате этого появляются юридические лица *sui generis* (особого рода), которые невозможно отнести к какой-либо классической, традиционной группе (виду) правосубъектных организаций.

В российском праве наиболее яркий пример такой ситуации представляет собой правовое положение Центрального банка РФ (Банка России), относительно которого законодатель был вынужден ограничиться отсылкой к специальному закону (п. 4 ст. 48 ГК РФ в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ)¹.

Таков же в принципе сугубо индивидуальный статус госкорпораций и публично-правовых компаний, влекущий заведомую безуспешность попыток создания для них нового, особого вида (организационно-правовой формы) юридических лиц (об этом подробнее см. п. 2 § 3 гл. 5 настоящей работы). Примеры тому можно найти и в зарубежных правопорядках².

нерные общества работников (народные предприятия) и специализированные финансовые общества не могут похвастаться даже такой численностью, а зарубежные корпорации, созданные по праву Евросоюза («европейские компании»), не намного превышают ее.

¹ При этом Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790) вообще не упоминает о юридической личности Центробанка, хотя его гражданская правосубъектность никогда и ни у кого не вызывала никаких сомнений.

² Так, в Австрии особым видом юридических лиц считаются сберегательные кассы (*Sparkassen*), а в Германии и Нидерландах — общества взаимного страхования; в Германии в силу исторических причин таковыми считаются также пароходства

Важно подчеркнуть именно индивидуальный, т.е. единичный, «штучный» характер таких правосубъектных организаций, которые не могут получить большого развития, искажающего общепринятые правовые подходы и негативно влияющего на развитие имущественного (гражданского) оборота. Такие редкие исключения лишь показывают, что реальные социально-экономические потребности иногда оказываются сложнее и богаче традиционно оформляющих их юридических (гражданско-правовых) форм, что вовсе не отменяет касающихся их общих правил и подходов. В результате можно сделать вывод о том, что отдельные организационно-правовые формы (виды) юридических лиц вызваны к жизни теми или иными экономическими потребностями, которые в конечном счете и определяют их общую классификацию.

При анализе системы юридических лиц не может быть оставлено без внимания и то серьезное влияние, которое неизбежно оказывают на нее сложившиеся в ходе исторического развития национальные особенности конкретных правопорядков. Особого рассмотрения при этом заслуживают попытки (в своем большинстве крайне неудачные) заимствования зарубежных категорий и конструкций, которых избегают развитые современные правовые системы. Примечательно, в частности, что унифицированные для различных национальных правопорядков конструкции юридических лиц, разработанные в рамках Евросоюза, фактически не получили в его государствах-членах широкого распространения и не стали определяющим фактором развития их национального корпоративного законодательства¹.

Вместе с тем систему юридических лиц конкретного правопорядка можно считать известным показателем состояния его социально-экономической основы и уровня развития имущественного оборота. Данное положение иллюстрируется развитием российской правовой системы, перешедшей за последние 30 лет от примитивной трехчленной систематизации юридических лиц (предприятия — учреждения — организации корпоративного типа), закреплявшейся кодифицированным гражданским законодательством 60-х годов прошлого века,

(*Reederei*) и профсоюз горнорабочих (*bergrechtliche Gewerkschaft*); в Швейцарии — кооперативы по совместному использованию пастбищ, лесов и водных источников (*Allmendgenossenschaften*) и т.д.

¹ Подробнее о таких юридических лицах см., например: Дубовицкая Е.А. Европейское корпоративное право. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2008; Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 95–97; Nobel P. Europäisches Gesellschaftsrecht. 2. Aufl. Bern, 2012.

к их развитой типизации (делению на корпоративные и унитарные, а также на коммерческие и некоммерческие организации) и дифференциации на разнообразные виды и подвиды (хотя последняя иногда выглядит явно чрезмерной и не вызванной реальными потребностями социально-экономического или национально-исторического развития, а в некоторой части обусловлена не слишком удачным заимствованием различных зарубежных образцов и аналогов).

Наконец, решающее влияние на систематизацию юридических лиц оказывают те задачи, для решения которых предназначена сама эта гражданско-правовая конструкция. Главное место среди них занимает защита личного имущества их учредителей и участников от требований кредиторов (других субъектов гражданского оборота). Ею определяется существо правосубъектности юридического лица, а конкретные способы разрешения этой задачи в различных социально-экономических ситуациях предопределяют появление и развитие отдельных видов и разновидностей юридических лиц. Можно поэтому согласиться с высказанным в современной литературе мнением о том, что «классификация и систематизация юридических лиц в законодательстве и науке может быть названа одной из ключевых проблем современного корпоративного права»¹.

Правда, последующее утверждение автора о том, что «связанность, а не противопоставление права и экономики в приложении к корпоративному праву предполагает направленность систематизации юридических лиц на решение конкретной экономической задачи — обеспечение новых условий развития предпринимательства», вряд ли может вызвать полное одобрение. Оно перекликается с распространенным мнением о том, что основными потребителями отечественного корпоративного права являются бизнесмены, в интересах которых оно должно формироваться и развиваться в условиях регулятивной конкуренции с другими (иностранными) правовыми порядками и нацеливаться на «борьбу за потребителей — коммерсантов», вызванную глобализацией экономики².

Становящаяся традиционной направленность многих цивилистических исследований на приспособление к текущим потребностям бизнеса подтверждает справедливость слов А.Л. Маковского о том,

¹ Синицын С.А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: Монография. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 274, 280.

² См.: Степанов Д.И. Гражданский кодекс и востребованность российского корпоративного права (часть первая) // Закон. 2025. № 1. С. 86.

что «наша российская цивилистика в последнее время все больше превращается в инструмент обслуживания бизнеса и сама стирает границу между собой и коммерческим и предпринимательским правом»¹.

Между тем как само корпоративное право является лишь частью (подотраслью) гражданского права, так и корпорации (во всяком случае, в их традиционном понимании) представляют собой лишь часть (тип) юридических лиц, не говоря уже об их широком использовании в социальной сфере, за рамками предпринимательства (от потребительских кооперативов и товариществ собственников недвижимости до различных общественных объединений граждан). Распространенное в отечественных исследованиях корпоративного права неоправданное сужение его сферы деятельностью хозяйственных обществ (предпринимательских корпораций в смысле англо-американских *business corporations*) не только без необходимости обедняет его предмет, но и приводит к методологически ошибочным формулировкам его основных задач, сводя их исключительно к содействию развитию предпринимательства. В действительности проблематика систематизации юридических лиц касается всей обширной сферы гражданско-правового регулирования, выходя далеко за рамки предпринимательского оборота.

Раскрытию и обоснованию перечисленных положений посвящены публиковавшиеся автором на протяжении трех десятилетий результаты его исследований данной проблематики². Настоящая книга призвана стать итогом этой деятельности. В ней автор предпринял попытку суммировать свои взгляды на юридическое лицо с учетом зарубежного и современного отечественного опыта, а также результатов его непосредственного участия в законотворческой работе (в части, касающей-

¹ Маковский А.Л. Письмо ответственным редакторам // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 8.

² Первой из них была статья «Система юридических лиц» (Советское государство и право. 1991. № 11) — она стала следствием первоначального осмысления имущественной обособленности юридических лиц в общем контексте правового оформления экономических отношений собственности, явившегося одним из результатов участия автора в рабочих группах по созданию союзного и российского законов о собственности 1990 г. Завершающими стали статьи «О юридических лицах в Гражданском кодексе РФ 1994 г.» (Вестник гражданского права. 2019. № 6), комментарии к ст. 48 и 50 ГК РФ (Вестник гражданского права. 2022. № 1) и «Развитие системы юридических лиц в Гражданском кодексе РФ 1994 г.» (Закон. 2025. № 1), а также соответствующие главы учебника (Гражданское право. В 4 т. 3-е изд. Т. I. М.: Статут, 2023).

ся правового положения юридических лиц), прежде всего в рабочих группах по созданию союзного и российского законов о собственности 1990 г., Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее — Основы гражданского законодательства 1991 г.), Гражданского кодекса РФ 1994 г. и Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г.

Рассмотрение основ зарубежного законодательства о юридических лицах обусловлено тем обстоятельством, что во многих случаях именно оно оказало решающее (хотя и далеко не во всем благотворное) воздействие на развитие российского корпоративного законодательства, особенно в части статуса хозяйственных обществ. В соответствии с этим в настоящей работе в сравнительно-правовом аспекте последовательно освещаются существо и функции института юридических лиц, их виды в основных правовых порядках континентально-европейского и англо-американского типов, а также в современном отечественном гражданском законодательстве и раскрываются основные тенденции систематизации различных видов юридических лиц.

Разумеется, основной интерес для читателей (как и для автора) представляет анализ отечественного законодательства о юридических лицах, которое за последние 30 лет претерпело принципиальные изменения. Для понимания этого бурного развития, его основных этапов и современных результатов весьма полезно обращение к законодательным первоисточникам: от дореволюционных Свода законов гражданских и проекта Гражданского уложения Российской империи, первого отечественного Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (закреплявшего понятие и виды юридических лиц, многие из которых успешно дожили до настоящего времени), первых «перестроечных» законов о собственности и о предприятиях (положивших начало появлению и развитию отечественного корпоративного права) до «рыночных» Основ гражданского законодательства 1991 г. и части первой ГК РФ 1994 г. как в первоначальной редакции, так и в осуществленных последовательно концепциях его развития (разумеется, в части, касающейся статуса и видов юридических лиц). С этой целью в приложении к настоящей работе автор счел целесообразным поместить необходимые выдержки из перечисленных документов, которые помогут читателю составить собственное представление об истоках тех или иных законодательных подходов к регламентации статуса и систематики юридических лиц в действующем российском гражданском праве и тем самым о существо соответствующих гражданско-правовых категорий и конструк-

ций, а также о достоинствах и недостатках их правового оформления. В побуждении читателя к вдумчивому изучению рассматриваемой проблематики (а не в навязывании ему собственных взглядов и подходов) автор видит главную задачу настоящей книги.

В 2025 г. исполнилось 35 лет со дня принятия союзного и российского законов о собственности 1990 г., а в 2026 г. — 35 лет со дня принятия Основ гражданского законодательства 1991 г., положивших начало возрождению современного российского частного права. Автору посчастливилось принять достаточно активное участие в рабочих группах по подготовке этих законов, на базе которых затем была сформирована и рабочая группа по созданию проекта нового Гражданского кодекса Российской Федерации (1994—2006 гг.), а впоследствии также — Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г.

Все эти группы неизменно возглавлял профессор Александр Львович Маковский (1930—2020 гг.), ставший в те годы бесспорным лидером отечественной цивилистики и внесший неоценимый вклад в ее современное становление и развитие. В 2025 г. ему исполнилось бы 95 лет. Светлой памяти этого выдающегося отечественного цивилиста и замечательного человека посвящается настоящая книга.

Профессор Е.А. Суханов

Глава 1

ПОНЯТИЕ И ТИПИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

§ 1. Понятие и сущность юридического лица

1. Юридическое лицо в континентально-европейской правовой доктрине

В правоотношениях, оформляющих имущественный оборот, широко участвуют не только отдельные люди (физические лица), но и созданные ими организации, создатели (учредители) и участники которых — физические лица — сами не становятся участниками соответствующих отношений оборота (уже хотя бы потому, что при ином подходе, отрицающем реальность юридического лица, возникает очевидное удвоение субъекта права)¹. Юридические лица становятся самостоятельными субъектами гражданского (частного) права, признаваемыми всеми правопорядками одними из основных участников имущественных правоотношений наряду с физическими лицами (гражданами). В сравнении с последними юридическое лицо выглядит как особый (в физическом смысле искусственный, или даже фиктивный) субъект права, который создан правопорядком специально для участия в имущественном обороте и для этого наделен некоторой имущественной правосубъектностью, т.е. известными качествами субъекта права. При этом ему необходимо иметь собственное имущество, поскольку наличие у него участников и их количество само по себе не имеет гражданско-правового значения, ибо иные субъекты оборота (потенциальные кредиторы юридических лиц) по общему правилу не вправе претендовать на имущество участников или учредителей таких субъектов.

¹ См.: *Черепяхин Б.Б.* Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 299. Справедливо отмечалось и отсутствие необходимости обоснования или поиска «людского субстрата» (сущности) юридического лица, ибо носителем его прав и обязанностей, а также субъектом ответственности является само юридическое лицо (см.: *Рахмилович В.А.* О так называемом субстрате юридического лица // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. Вып. 29. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1984. С. 116–118).

Вместе с тем понимание существа и особенностей правового положения юридического лица значительно различается в правовых порядках континентально-европейского (прежде всего германского) и англо-американского типов. Сам термин «юридическое лицо» (*juristische Person*) в его современном понимании, как, впрочем, и большинство научных теорий, объясняющих сущность этой правовой категории, возникли в германской цивилистике XIX в. В романской (французской) ветви европейского континентального права со времени принятия Французского гражданского кодекса (*Code civil*) 1804 г. использовался термин «моральные лица» (*personne morale*)¹, тогда как термин «юридическое лицо» появился в нем только в конце 70-х годов прошлого века (давно став к этому времени общеупотребительным в правоприменительной практике и доктрине). В англо-американском праве используется термин *legal entity* (букв. «юридическая организация»), обычным синонимом которого стало понятие «корпорация» (*corporation*; в английском праве *company* — компания)².

Основными взглядами на сущность юридического лица исторически явились германские теории, в которых эта правовая конструкция рассматривалась либо как установленная законом фикция (поэтому такие взгляды получили обобщенное наименование фикционных теорий), либо как особый социальный организм, социальная реальность (реалистические теории), представляющая собой наделенное самостоятельной правосубъектностью целевое имущество (*Zweckvermögen*) либо реально существующую «союзную (соединенную) личность» (*Verbandspersönlichkeit*), причем каждый из этих основных подходов имел многочисленные разновидности³. В XX в. эти классические теории юридического лица, объясняющие его существо, с переменным

¹ Разрабатывавшееся примерно в одно время с французским ГК (*Code civil*) и под его сильным влиянием действующее австрийское Общее гражданское уложение (*Allgemeine Bürgerliches Gesetzbuch, ABGB*) 1811 г. до сих пор не упоминает о юридических лицах, а говорит либо о «моральном лице» (*moralische Person*), либо даже о «моральных объединениях» (*moralische Körper*), имея в виду корпорации.

² *Legal entity* не считаются партнерства (*partnerships*) — аналоги континентально-европейских товариществ, поскольку они обычно не имеют прав юридического лица.

³ Подробнее об этих теориях см. особенно: *Wieacker F.* Zur Theorie der Juristischen Person des Privatrechts // *Festschrift zur E.R. Huber*. 1973. S. 339 ff.; *Flume W.* Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. Bd. 1. Teil 2: Juristische Person. Berlin; Heidelberg, 1983. § 1. Они многократно освещались в отечественной дореволюционной, советской и постсоветской литературе, особенно в учебной (см., например: *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. Гл. III).

успехом пытались развивать в правовой доктрине других европейских стран, но в конечном счете ни одна из них не получила всеобщего признания.

Более того, со второй половины XX в. они постепенно стали терять свое прежнее значение и в настоящее время не оказывают заметного влияния на развитие законодательства и правоприменительной практики, сохраняя лишь некоторую учебно-познавательную ценность. Законодательное определение рассматриваемого понятия в подавляющем большинстве правопорядков также отсутствует, поскольку его разработка считается задачей доктринального (теоретического) анализа. Это же относится и к правовым признакам (свойствам) юридического лица. Так, в современной германской правовой доктрине, утратившей склонность к обоснованию определения и исчерпывающих признаков понятия юридического лица, теперь лишь отмечается, что речь идет о юридически обособленной организации, которую следует отличать от стоящих за ней людей (учредителей, членов), вместо (и/или с помощью) которых она участвует в правоотношениях. Поэтому юридическое лицо не сводимо ни к совокупности своих участников (корпоративные юридические лица, или «общности лиц» — *Personenverbände*), ни к своему имуществу (унитарные юридические лица, или «общности имущества» — *Vermögensverbände*).

В гражданско-правовой науке советского времени на базе названных теорий были выдвинуты их модификации, учитывавшие реальности централизованной государством плановой экономики. В 60-е — 80-е годы прошлого века всеобщее признание у нас приобрела «теория коллектива», а известное распространение получили также «теория социальной реальности» и «теория директора». Но все они в основном были нацелены на объяснение существа экономико-правового положения господствовавшего тогда вида юридических лиц — государственных производственных предприятий, полноправным собственником имущества которых оставалось создавшее их государство. Поэтому при переходе к рыночной организации экономики, предполагающей господство корпоративных видов и форм юридических лиц, названные теории также утратили свое значение.

Вместе с тем значительным достижением того времени следует признать теоретическое обоснование и законодательное закрепление четкого понятия (определения) юридического лица, раскрываемого с помощью четырех его признаков (юридических свойств): организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность и самостоятельное участие в мате-

риальных и процессуальных гражданских правоотношениях. В той или иной редакции эти признаки и основанные на них определения присутствовали во всех кодификациях советского гражданского законодательства (ср. ст. 13 ГК РСФСР 1922 г., ст. 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (далее — Основы гражданского законодательства 1961 г.), ст. 23 ГК РСФСР 1964 г., абз. 1 п. 1 ст. 11 Основ гражданского законодательства 1991 г.) и почти в неизменном виде перешли в современный российский закон (п. 1 ст. 48 ГК РФ в первоначальной и в действующей редакции). Между тем в подавляющем большинстве современных правовых порядков легальное определение юридического лица отсутствует, в лучшем случае его роль выполняют те или иные определения корпорации (объединения капиталов — аналога российских хозяйственных обществ).

Однако наличие или отсутствие перечисленных признаков у конкретной организации само по себе не является необходимой предпосылкой признания ее юридическим лицом, т.е. ее возникновения и существования в этом качестве, а скорее составляет их результат. Названные признаки не устанавливаются и не проверяются при государственной регистрации юридических лиц, а их появление или отсутствие не дает оснований для заявления требований о включении соответствующей организации в государственный реестр или об исключении ее из такого реестра. Закон связывает возникновение и прекращение юридического лица только с фактом его государственной регистрации (внесением соответствующей записи в государственный реестр) (абз. 1 п. 3 ст. 49, п. 8 ст. 54, п. 9 ст. 63 ГК РФ). Реальное значение указанной совокупности признаков состоит в том, что она позволяет определить понятие и сущность такого условного, «виртуального» субъекта, создаваемого исключительно для нужд гражданского оборота и существующего не в физической реальности, а только в правовых отношениях¹.

¹ Примечательно, что даже в английском праве понятие *legal entity* нередко раскрывается через совокупность некоторых признаков, к которым принято относить: продолжительность существования и юридическую независимость компании от ее участников (*perpetual succession*); способность быть собственником имущества; способность заключать договоры; несение деликтной ответственности; возможность самостоятельно искать и отвечать в суде. До принятия Закона о компаниях 2006 г. обязательным признаком английской компании считалось также наличие у нее корпоративной печати (*corporate seal*), необходимой для засвидетельствования большинства заключаемых ею договоров. В настоящее время это требование отпало, хотя на практике наличие печати считается важным признаком корпорации как в английском, так и в американском праве.

Категория юридического лица нередко используется и за рамками гражданского (частного) права — для обозначения правосубъектности определенных организаций в процессуальных, налоговых, административных и тому подобных публичных правоотношениях. Но и в этих случаях она сохраняет свою гражданско-правовую природу и не становится категорией публичного права¹. Кроме того, следует учесть, что публичные правоотношения с участием организаций, признанных юридическими лицами по гражданскому праву, по существу являются производными, зависимыми от отношений гражданского оборота, что наиболее очевидно для налоговых правоотношений, тогда как различным органам публичной власти для их надлежащего функционирования вовсе не требуется постоянное участие в имущественных отношениях, т.е. не требуются права самостоятельного юридического лица². Поэтому в континентально-европейских правовых порядках юридическое лицо следует считать категорией гражданского (частного) права.

2. Юридическое лицо в англо-американском праве

В странах общего права (*common law*), прежде всего в американском праве, корпорация считается единым лицом (*entity*), т.е. субъектом права, в противоположность партнерству (товариществу), которое рассматривается здесь как простая совокупность, «сумма» составляющих его лиц³. Считается, что, по сути, корпорации представляют

¹ В правовых порядках, которым известно понятие «юридические лица публичного права», их правосубъектность также имеет значение не для публичного, а для гражданского права, ибо в действительности такие лица (как и обычные «юридические лица частного права») оформляют участие главным образом различных публично-правовых образований в гражданском обороте, а не в публичных правоотношениях.

² В Концепции развития законодательства о юридических лицах, ставшей составной частью Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г., указывалось: «В перспективе следует исходить из того, что органы публичной власти (министерства, ведомства, федеральные службы и агентства и их территориальные управления и подразделения и т.п.) не должны признаваться юридическими лицами частного права, ибо наделение их таким гражданско-правовым (имущественно-правовым) статусом не соответствует ни задачам и целям их деятельности, ни их юридической природе» (Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 72). Аналогичный, по сути, подход позднее был закреплен Программой Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 1101-р) (СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3720). К сожалению, до сих пор он остается нереализованным.

³ В качестве простого соединения (совокупности — *aggregate*) составляющих их лиц, а не единого субъекта права, партнерство не признается здесь не только юридическим лицом, но и корпорацией.

собой юридическую фикцию (*legal fiction, artificial person*) — искусственное объединение, наделенное государством самостоятельной правосубъектностью с целью создания для их участников «привилегии ограниченной ответственности»¹, а самостоятельное, раздельное существование корпорации и ее участников рассматривается всего лишь как опровержимая презумпция². Этим, в частности, объясняется присущая именно американскому корпоративному праву широкая возможность «прокалывания корпоративной маски» (*piercing of the corporate veil*), т.е. доступа кредиторов корпорации к личному имуществу ее участников, а также личная ответственность ее директоров (управляющих) за нарушение своих фидуциарных обязанностей (в российском праве такая ответственность с 2014 г. закреплена ст. 53.1 ГК РФ). Такая возможность превращает юридическую личность корпорации в весьма ненадежную правовую конструкцию, что противоречит принципиальной сущности юридического лица.

При этом в силу исторических причин здесь сложился иной, нежели в континентально-европейском праве, подход к пониманию сущности юридического лица (последнее в США чаще всего отождествляется с корпорацией (*business corporation*), а в английском праве — с компанией). Следует иметь в виду, что учредители и участники корпорации (компании) передают ей имущество не в собственность (в континентально-европейском, т.е. в пандектном понимании), а в траст (*trust*), который исторически сложился как институт права справедливости (*law of equity*), а не общего права. Поэтому корпорации становятся не полноправными собственниками, а лишь управляющими — трасти (*trustees*), или *legal owners* (собственниками только по общему праву), тогда как их участники (владельцы долей — *shareholders*) в качестве бенефициаров этого траста (*beneficiary*) тоже считаются собственниками имущества корпораций, но по праву справедливости (*equitable owners*), а управляющие (директора) корпораций становятся не их органами или представителями (как в континентальном праве), а агентами (*agency*), действующими от имени и в интересах корпораций. Отсюда их обязанность действовать в интересах бенефициаров, в силу чего

¹ «A corporation may be regarded as a privilege granted by the state and treated as an «artificial entity» to be operated by its member» (Fletcher Cyclopedic of the Laws of Corporations, revised by Carol A. Jones. Vol. I. St. Paul (Minnesota), 2006. § 41).

² Так, в одном из решений Верховного суда штата Западная Виргиния за 1984 г. прямо указывалось, что «право лишь предполагает, что корпорации отделены от имущества и личностей) их участников» («the law presumes that corporations are separate from their shareholders»).

они не только приобретают известным образом ограниченные правомочия по использованию и распоряжению имуществом корпорации, но и несут фидуциарные обязанности перед своими бенефициарами. Это принципиально расходится с правовым положением компаний как собственников (а их участников — как субъектов особых, корпоративных прав) в континентально-европейском праве.

Изложенным объясняются и господствующие здесь в настоящее время теории существа корпорации (юридического лица) — «агентская» и «контрактная»¹. Согласно первой из них главную особенность корпорации составляет то обстоятельство, что ею и ее имуществом управляют не учредители или участники, а их «агенты» (*agency*) — наемные менеджеры². Согласно второй теории корпорация рассматривается как комплекс (сеть) договоров (*nexus of contractual relationships*, или *set of contracts*), ядро которого составляют агентские соглашения учредителей и (или) участников с корпоративным менеджментом³.

А поскольку на деятельность корпорации значительное влияние оказывают не только ее менеджеры и участники (*shareholders*), но и инвесторы, наемные работники и иные договорные контрагенты, или «лица, имеющие интерес» в ее деятельности (*stakeholders*), по современным представлениям составляющая существо корпорации «сеть» контрактов с ее участием подлежит необходимому расширению. В результате этого корпорация представляется неким «договорным центром», а корпоративные отношения становятся разновидностью договорных связей, так как на менеджмент корпорации возлагаются сугубо договорные обязательства действовать в интересах ее участников, а по современным воззрениям — также и в интересах других заинтересованных лиц (*stakeholders*)⁴. Такой подход получил наименование *stakeholder*

¹ Теории фикции юридического лица в англо-американской доктрине корпоративного права традиционно противостоят концепции корпоративного реализма (*corporate realism theory*) и агрегационная (рассматривающая компании и партнерства как совокупности лиц) (см.: Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. А.С. Комаров, А.А. Костин, О.Н. Зименкова, Е.В. Вершинина. Т. 1: Общая часть. М.: Статут, 2019. С. 157; автор параграфа — А.А. Дубинчин).

² Ее появление в 30-е годы прошлого века связано с именами известных американских экономистов А. Берле и Г. Минса (*Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan, 1932*).

³ Эта теория, появившаяся несколько позднее, связана с не менее известными именами Р. Коуза и О. Вильямсона (*Coase R. The Nature of the Firm // Economica. 1937. Vol. 4. No. 16*).

⁴ «The corporation is a complex set of explicit and implicit contracts, and corporate law enables the participants to select optimal arrangement for the many different sets of risks and

value и в настоящее время приобрел господствующее положение в американской правовой доктрине.

Необходимо также обратить внимание на то, что обе названные теории (как и их современный синтез) предлагают объяснение существа лишь господствующих в англо-американских правовых порядках предпринимательских корпораций (*business corporations*), оставляя в стороне статус как некоммерческих организаций, так и унитарных юридических лиц, которые здесь составляют редкое исключение. В этом смысле они напоминают советские теории юридического лица, нацеленные на объяснение правового статуса государственных предприятий-несобственников. Непоследовательность и противоречивость этих подходов к объяснению сущности юридического лица, а также необоснованность сведения многообразия корпоративных отношений к договорным моделям уже отмечены в современной зарубежной и отечественной литературе¹.

В целом же можно констатировать, что существенное расхождение теоретических подходов к объяснению конструкции юридического лица в континентально-европейских и в англо-американских правовых порядках объективно обусловлено исторически сложившимися в них особенностями правового развития (прежде всего существованием института траста в англо-американском *equity law*). Однако этим обстоятельством нередко пренебрегают отечественные исследователи корпоративных отношений (в частности, в попытках обоснования их договорно-правовой природы²), чему в немалой степени способствует осуществленный в последние десятилетия непродуманный и потому малоудачный перенос в российский правовой порядок некоторых конструкций *common law*. Вместе с тем отсутствие в нашем правовом

opportunities that are available in a large economy» (*Romano R. Foundations of Corporate Law. New York, 1993. P. 98*). Этот новый подход имеет следствием отказ корпоративного права от преимущественной защиты интересов членов корпораций (*shareholders*) в пользу равной защиты всех лиц, заинтересованных в ее деятельности (*stakeholders*).

¹ Их критический обзор см., например: *Синицын С.А.* Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы. С. 337–340; *Текутьев Д.И.* Экономический анализ права как метод исследования корпоративных отношений // Современное корпоративное право: времен связующая нить: Сборник статей / Сост. и отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2024.

² См., например: *Степанов Д.И.* Спрос на право и диспозитивность регулирования: экономический анализ права // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 6; *его же.* Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 9; *его же.* Гражданский кодекс и востребованность российского корпоративного права (часть первая) // Закон. 2025. № 1.

ключевого для англо-американского права института траста (за введение которого до сих пор борются некоторые отечественные юристы и экономисты) делает заведомо бесперспективной опору на развиваемые на его основе теоретические подходы. В свою очередь данное положение вызывает и значительные различия в систематике и классификации юридических лиц, которые обусловлены особенностями национально-исторического развития правовых порядков англо-американского и континентально-европейского типа, сохраняющимися и в настоящее время, несмотря на некоторые малоудачные попытки их унификации или хотя бы существенного сближения.

3. Сущность конструкции юридического лица

Во всех правовых порядках смысл правовой конструкции юридического лица заключается в обособлении (отчуждении в той или иной правовой форме) его учредителями или участниками некоторой части своего имущества и наделении им нового субъекта, который, оставаясь под их прямым или косвенным управлением, юридически становится самостоятельным субъектом имущественных правоотношений, в силу чего несет и все риски своего участия в них, тем самым освобождая своих учредителей и (или) участников от соответствующих неблагоприятных последствий (хотя и после государственной регистрации юридического лица эти лица фактически выступают в имущественном обороте под его «маской»). В ситуациях, когда риск имущественных потерь (вплоть до банкротства) от участия в имущественных правоотношениях отсутствует, например, в сфере публичного права, не возникает надобности и в особой конструкции юридического лица. Иначе говоря, юридическое лицо представляет собой особый тип субъекта права (в натуральном, физическом смысле — искусственный, или фиктивный), созданный исключительно для нужд гражданского оборота с целью ограничения или исключения риска имущественной ответственности своих учредителей и (или) участников и для этого наделенный законом самостоятельной гражданской правоспособностью (правосубъектностью).

Поэтому как в континентально-европейских, так и в англо-американских правовых порядках корпорации как основной вид юридических лиц рассматриваются в качестве «корпоративного щита» (англ. *corporate shielding*, нем. *gesellschaftsrechtliches Schild*), защищающего личное имущество своих членов (участников) от требований кредиторов. В этой защите заключается и главная задача (функция) рас-